

Япония между Западом и Востоком

С.И. Лунев

*Политическая система современной Японии: Учебное пособие/ Ответ. ред.
Д.В. Стрельцов. М.: Аспект Пресс, 2013.*

Рецензируемое учебное пособие призвано заполнить собой пробел, связанный с отсутствием учебно-методической литературы по вопросам развития послевоенной политической системы Японии. Огромный интерес к восточноазиатской державе вызывает особый спрос на подобное издание, а бурно развивающееся японоведческое направление в современном отечественном востоковедении дает возможность ответить на многие животрепещущие вопросы. В последнее время чрезвычайно важными стали вопросы о сущности политических процессов и характере демократизации, о соотношении западной цивилизационной модели и незападных цивилизационных комплексах, модернизации и вестернизации.

Долгое время западная политическая мысль в целом отказывалась воспринимать специфику Востока и пыталась объяснить настоящее и будущее мироздания как прогрессирующую унификацию экономических и политических изменений в направлении заранее заданной западнцентристской «идеальной модели». Однако конкретная реальность демонстрировала невозможность построить в афро-азиатском мире модель, соответствовавшую западному прообразу. Постепенно в западном политологическом сообществе стали появляться специалисты, предостерегавшие от применения чисто западной методологии для анализа восточных обществ. Один из ведущих американских специалистов – Л. Пай даже сформулировал 17 специфических закономерностей «незападного» политического процесса. Среди них, например, отсутствие

строгого разделения между политической сферой, с одной стороны, и общественными и личными взаимоотношениями – с другой; политические организации – скорее носители определенного мировоззрения, а не выразители политических взглядов; значительное количество различных клик и кланов; гораздо меньшая по сравнению с Западом приверженность политических лидеров какой-либо стратегии; частое инициирование оппозицией революционного движения; слабая или вообще отсутствующая интегрированность участников политического процесса; постоянное появление новых лидеров; существенные различия в политических взглядах различных поколений; частое изменение отношения к легитимности тех или иных политических действий; слабое влияние политических дискуссий на процесс принятия решений; малое количество организованных групп интересов; доминирование лидеров харизматического типа; отсутствие стремления у политических лидеров к четкому высказыванию своих взглядов на внутривнутриполитические процессы (в отличие от международных проблем); излишняя эмоциональность лиц, принимающих решения¹.

В современном мире зона Востока отличается очень большой гетерогенностью. Отдельное место занимает, естественно, Япония, которую исследователи, как правило, относят к Западу. Однако даже в наиболее развитой азиатской стране трудно не заметить колоссальные отличия ее модели от западной в плане организации и политической, и экономической, и социальной жизни. Неслу-

Лунев Сергей Иванович – д.и.н., профессор кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД России.
E-mail: silounev@gmail.com

чайно, американский профессор К. ван Вулфен заявил на конференции в Токио: «Мы не можем обнаружить гражданского общества в Японии... японское население не оказывает никакого воздействия на политические процессы... это – не настоящая демократия... у них нет свободного рынка»². Бесспорно, подобное высказывание также является очевидным преувеличением, что наглядно доказывает рецензируемая работа.

Политическая культура Японии показана в диалектическом единстве, проявляемом в приверженности многовековым традициям и высокой степени адаптивности, способности к самотрансформации в соответствии с меняющимися реалиями современного мира. Неслучайно авторы пособия делают упор на способности японцев к одновременной эволюции в двух направлениях: дрейф в сторону западных моделей поведения и подтверждение верности ключевым ценностям восточной цивилизации. В пособии акцентируется внимание на том, что ценностная ориентация политической культуры носит скорее традиционалистский характер, что особенно проявляется на глубинном, цивилизационном уровне. Однако подобные цивилизационные особенности в организации производства и управлении обществом, а также в структурировании последнего все нагляднее показывают, что Япония в целом все-таки относится к той части человечества, которую принято относить к категории «не-Запада».

В восточной политологии в последнее время появились новые концепты на основе противопоставления «индивидуалистического» Запада «коллективистскому» Востоку. Особое звучание получили идеи «азиатских ценностей», чье быстрое распространение было связано, прежде всего, с давлением Запада после распада биполярной системы на развивающиеся страны в целях приведения их к наибольшему соответствию с западной моделью построения общества и экономики. Это встретило отторжение во многих благополучных странах Восточной Азии, которые были воодушевлены экономическими успехами и не желали распространения в регионе пороков, свойственных индивидуалистической западной парадигме: высокий уровень преступности, распространение наркотиков, резкий рост разводов, проблема бездомности, расовое напряжение в обществе.

Здесь начали активно прорабатывать концепцию «азиатских ценностей», в которые включают семью как оптимальную модель организации социума, сильную клановую систему, дисциплину и повиновение, уважение к старшим, приоритетное значение общественного согласия, сильное государство. Данная теория выполняла две весьма противоречивые задачи: 1) защитить ряд традиционных ценностей и объяснить их основополагающее значение для азиатских стран; 2) обосновать свой путь абсолютно необходимой модернизации, но четко показать ее неполное совпадение с вестернизацией. Таким образом, мы имеем дело с реальной попыткой синтеза восточ-

ных и западных норм. Как это ни парадоксально, концепция позволяет выполнять модернизирующую функцию, постепенно видоизменяя менталитет восточноазиатского населения в сторону сближения с западными нормами.

Впервые об азиатских ценностях заговорил первый премьер-министр Сингапура (1959–1990) Ли Куан Ю, который для объяснения огромных социально-экономических успехов некоторых стран Азии утверждал, что главным фактором столь быстрого роста в Азии был упор на подчинении авторитету группы, трудолюбию, семье, сбережениях и образовании. Его сподвижник Томми Кох перечислил их 10 основных составляющих: избегание излишнего индивидуализма; поддержание крепкой семьи; преклонение перед образованием; бережливость и высокая норма сбережений; напряженная работа; коллективное взаимодействие в масштабах страны; достижение азиатского социального контракта; восприятие всех граждан как организаторов коллективного дела (членов коммуны); развитие всего, что морально благотворно; отсутствие абсолютной свободы прессы³. Бывший посол в США Чан Хенг Чи отмечала, что от либеральной демократии азиатские ценности отличаются коммунитаризмом, уважением к власти, наличием доминирующей партии, сильным государством и централизованной, жестко иерархизированной бюрократией⁴.

Естественно, в Японии никогда официально не поддерживали концепцию азиатских ценностей. Но очевидно, что эти ценности, развиваемые в духе конфуцианства, – полноценное развитие образования, набор на государственную службу лучших студентов, как это практиковалось в императорском Китае, меритократический подход к выдвижению на руководящие посты наиболее способных людей, отбираемых из всех социальных слоев, бережливость и напряженная работа, почтительность к старшим, патриархальное общество, социальный контракт между доброжелательными правителями и уважительными подданными, – вполне сопрягаемы с цивилизационной моделью Японии. При этом в самом государстве давно разрабатывается концепция существования двух цивилизаций в регионе: островной и континентальной, и первая, к которой относится и Япония, отличается гораздо большей адаптивностью: способностью воспринимать наиболее передовой мировой опыт, приспособляя его к особенностям собственной страны. Исторический опыт во многом подтверждает данную гипотезу.

Уступая еще в Средневековье по очень многим параметрам не только Китаю, но и Корее, закрытая от западного мира (в тот период Запад мог предложить лишь христианство, что привело к принятию Страной восходящего солнца решения о прекращении контактов), Япония после своего «второго открытия» в середине XIX в. продемонстрировала фантастическую способность к трансформации. Экономическое, техническое и военное превосходство европейских держав

немедленно вызвало стремление заимствовать новую технику, а для ее успешного использования менять законодательство и создавать соответствующие организационные структуры, а главное – готовить кадры, способные овладеть этой техникой. Все это было реализовано благодаря революции Мэйдзи, и Япония не только не превратилась в подобие Китая, на что, по-видимому, были ориентированы империалистические государства, а сама приняла самое активное участие в колониальном закабалении своих соседей. Сокрушительное поражение во Второй мировой войне повлекло за собой уже готовность изменить политическую систему и на практике использовать западные политические теории, адаптированные к условиям Японии.

Японская конституция 1947 г. была написана американскими специалистами, преимущественно офицерами, и японская сторона, как отмечается в пособии, смогла изменить лишь относительно незначительные положения (произошел отказ от пункта, что все земельные и природные ресурсы принадлежат государству, и однопалатный парламент был заменен на двухпалатный). В принципе в тот период подобная ситуация сложилась в подавляющем большинстве стран Востока. Конституции и прочие правовые акты писались западными экспертами или просто списывались с аналогов развитых стран. Однако это было очевидным забеганием вперед. Через непродолжительное время лишь очень небольшому числу стран удалось сохранить нормативные институты (конституции, уголовные и гражданские кодексы, принятые после провозглашения независимости), да и то с довольно большими дополнениями и изменениями. Конституции были заменены или переработаны в соответствии с местными реалиями, всплывшими на поверхность вскоре после обретения суверенитета. Подверглись изменениям и гражданский и уголовный кодексы, в которые стали включаться положения о поощрении традиционных форм организации, религиозного образования, традиционных форм пожертвований, о наказаниях за нарушение традиционных норм и введении самих традиционных форм наказаний и пр. Постепенно ограничивалось и влияние западной идеологии и массовой культуры: введены были ограничения на деятельность западных миссионеров и их школ, а также издательств; была установлена довольно жесткая цензура на распространение западных фильмов, телепрограмм, художественной и учебной литературы. При этом запрещалось распространение произведений, не соответствующих местным представлениям. В итоге возвращение к традиционным цивилизационным нормам закреплялось не только в сознании, но и в официальной практике.

Что касается Японии, то никакого обратного движения здесь не произошло. «Маятник» качнулся не назад, а скорее вперед, и западные институты оказались прочно укорененными в японской почве. При этом можно согласиться с

мнением известного американского политолога Ф. Фукуямы, что традиционные азиатские культуры развиваются с четвертого (культура) и третьего уровней (гражданское общество) и продвигаются вверх – ко второму (политические институты) и первому (идеология) уровням, а современная западная политическая мысль отстаивает обратное движение: с первого уровня – к третьему. Поэтому наличие институтов для Востока менее значимо, чем сохранение укоренившегося морального кодекса⁵.

В пособии хорошо показано, что модель политики в Японии зачастую определяется формой общественных и личных взаимоотношений; власть, авторитет и влияние зависят в значительной степени от социального статуса, поэтому политическая борьба сконцентрирована не на альтернативных политических курсах, а на проблемах влияния. Следует в целом отметить, что разделы, посвященные нормативно-правовым аспектам современной политической системы Японии: конституции страны, парламентской системе, особенностям законодательного процесса, механизмам функционирования кабинетной системы, заслуживают самой высокой оценки. Здесь особо наглядно представлен анализ единичного, особенного и общего в плане изучения восточных обществ.

В качестве одной из фундаментальных характеристик современного политического строя страны выделены «вторичный характер» законодательной и судебной властей по отношению к исполнительной (достаточно отметить, что авторство более 90% законопроектов, обсужденных в парламенте, принадлежит правительству). Наблюдается также приоритет правительственных органов по отношению к институтам партийно-политической структуры в деле подготовки важнейших для страны стратегических решений. Огромную роль играет и то обстоятельство, что законы в Японии формулируются в такой обобщенной форме, что бюрократия способна их интерпретировать в своих целях. В этой связи абсолютно справедливым и логически обоснованным представляется вывод о том, что принципы парламентаризма, равно как и традиции публичного обсуждения государственных дел, были чужды японской политической традиции и закрепились в политической практике скорее под экзогенным давлением.

Вместе с тем японский парламентаризм имеет более чем вековые традиции, которые накладывают свой отпечаток на современную законодательную практику. В пособии подробно рассмотрены принципы работы парламента, особенности системы комиссий, виды сессий, роль парламентских должностных лиц. Авторы приходят к важному заключению о том, что парламентская практика предоставляет оппозиционным партиям, даже находящимся в меньшинстве, реальные возможности для воздействия на процесс принятия законодательных решений. В этой связи в оборот вводится термин «вязкость»,

который употребляется в качестве ключевой качественной характеристики всего парламентского строя страны.

На высоком уровне написаны разделы, посвященные особенностям системы центрального административного управления и местного самоуправления. В числе таких особенностей выделены слабость лидирующего начала главы исполнительной власти, формальный характер политических функций кабинета министров, доминирующая роль бюрократии в деле подготовки законопроектов и ее монополия на информацию. Правда, в постбиполярный период баланс в системе взаимоотношений между политиками и бюрократами стал смещаться в пользу первых, что во многом связано с проведенными структурными реформами. При этом отмечается, что в условиях относительной слабости политических институтов правительство в целом играет гипертрофированную роль и является главным базовым элементом всей политической системы. Общественный контроль над деятельностью исполнительной власти носит весьма ограниченный характер. Его нет и за процессом лоббирования. Теневой характер политики позволяет принимать решения, не отвечающие общественным потребностям.

В пособии подробно разбираются характерные черты модели местного самоуправления, которая позволила японскому обществу сохранить и государственную традицию с ее тенденцией к централизму, а также национальную идентичность и комплекс норм повседневной жизни. В целом была создана высокоцентрализованная модель «государственного» местного самоуправления, но в XXI в. начинаются процессы постепенной децентрализации власти.

В главах пособия, посвященных эволюции политической системы Японии, были тщательно и скрупулезно исследованы политические процессы, связанные с выборами, переменами в партийно-политической структуре и созданием новых коалиций. В работе используется оригинальная периодизация, позволяющая выделить особенности различных этапов ее послевоенной истории. Авторы убедительно показывают, что после завершения биполярной эпохи произошло сужение пространства для межпартийного противостояния по идеологическому принципу, в связи с чем процесс формирования дееспособной партийно-политической системы, в которой смена партий у власти означала бы существенную корректировку государственной политики, становится со значительными трудностями. При этом партийно-политическая структура анализируется в тесной связи с изучением общих политических процессов, политической системы и политической культуры.

Авторы пришли к чрезвычайно интересным выводам в отношении партийно-политической структуры. В Японии сложилась «система 1955 г.», то есть «полуторапартийная система». В течение почти 40 лет существовала монополия одной пар-

тии – Либерально-демократической – на власть. В этом плане Япония напоминает Индию, где у власти почти 30 лет находился Индийский национальный конгресс. Интересно, что обе страны в подобных условиях смогли сохранить основные демократические атрибуты и независимую оппозицию, представленную в парламенте. Почти постоянное господство ЛДП в условиях японской политической культуры привело к появлению «партийно-правительственной» системы принятия решения, когда политика вырабатывалась параллельно партией и правительством. Другим результатом стала «фракционная система», когда основное значение приобрел баланс интересов между различными фракциями партии, а торг, переговоры и поиски консенсуса между их лидерами проходили «под ковром», то есть были абсолютно неоткрытыми. Именно так определялся и официальный лидер страны.

В постбиполярный период в Японии ЛДП на выборах 1993 г. уступает коалиции семи партий (созданной уже после выборов) и почти год находится в оппозиции, а затем появляется партия (Демократической партии), способная бросить вызов монополии ЛДП на власть (однако ее правительство в 2009–2012 гг. оказалось в целом неуспешным). В данный период начинает возрастать значение малых партий, без поддержки которых правительство зачастую не могло проводить свои решения в парламенте. Еще один интересный японский феномен – партии не выполняли функции протеста и были нацелены почти исключительно на избирательный процесс. В результате они являются парламентскими, а не массовыми, а депутаты представляют партийную верхушку. Интересно, что для партий характерна почти полная идеологическая аморфность, что особенно проявилось за последние 20 лет.

Более того, японский электорат демонстрирует все большую незаинтересованность в идеологии. Партии, которые можно было назвать «идеологическими» – Социалистическая и Коммунистическая, – в постбиполярный период резко ухудшили результаты на парламентских выборах. Электорат в Японии можно назвать «персонально ориентированным», то есть на выборах люди голосуют не за партии (и их программы), а за конкретные личности. Правда, в постбиполярный период постепенно начинает возрастать роль политически мотивированного электората. Партийные же деятели по-прежнему не демонстрируют особой приверженности своей партии и могут легко переходить из одной в другую. Авторы пособия вообще приходят к выводу об отсутствии в Японии сильных лидеров общенационального масштаба, которые могли бы повести за собой народные массы, и отмечают не только слабость элиты, но и наличие несовершенного механизма ее воспитания (партийный рост связан прежде всего с возрастом).

Если использовать понятия современной математической логики, то работу можно характеризовать как достаточно гомоморфную и

реально соответствующую объекту исследования. Построенная эмпирико-феноменологическая модель, естественно, не может полностью соответствовать прообразу, но четко представляет предельные характеристики изучаемого объекта и ясно показывает функционирование совокупности взаимодействующих элементов на выбранном уровне. Авторам удалось показать, что Япония является демократическим государством, но ее модель не соответствует западным стандартам, что позволяет включить страну в категорию «не-Запада». Выбранный уровень анализа условно можно назвать «мезоуровнем», если считать макроуровнем функционирование всей мировой системы. В ряде случаев именно мезоуровень выступает в роли «качественного узла», если применять гегелевское выражение, и тогда после начального расчленения на однородные элементы можно перейти на него, а потом – вновь опуститься на микроуровень, а можно и поднять на макроуровень. Вряд ли можно считать недостатком то обстоятельство, что авторы редко выходят за пределы мезоуровня: бесконечное дробление элементов и введение новых и новых иерархий системы необыкновенно бы усложнило и расширило объект исследования.

Пособие отличает логичность структуры, в которой в сбалансированном виде проявляется оптимальное соотношение исторических и проблемно-политических тем, хороший язык

изложения и тщательность формулировок. Некоторые термины для повышения внимания и лучшего усвоения выделяются жирным шрифтом. В пособии присутствуют вставки, позволяющие иллюстрировать отдельные тезисы и положения конкретными примерами из политической практики послевоенной Японии. В конце каждой главы приводится список контрольных вопросов и библиография, охватывающая наиболее крупные работы отечественных и зарубежных авторов по поставленным проблемам, в том числе и вышедшие в последнее время.

В числе недостатков следует выделить то, что исторический контекст развития политических партий постбиполярного периода, за исключением Либерально-демократической и Демократической, не представлен в пособии в полном объеме, и тексты о них скорее напоминают энциклопедическую справку.

Как представляется, поставленные авторами пособия задачи были решены, и мы имеем дело с весьма фундированным трудом. Учебник, безусловно, будет востребован и имеет хорошие перспективы использования в учебном процессе в программах вузов, обеспечивающих подготовку по специальностям «международные отношения» и «регионоведение».

Lounyev S.I. The Political System of Contemporary Japan.

Примечания

1. Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. 2003. № 2. С. 66-86.
2. The Vitality of Japan. Sources of National Strength and Weakness / Ed. by Clesse A., Inoguchi T., Keehn E. B. and Stockwin J. A. A. - London – New York: Macmillan Press LTD, St.Martin's Press, Inc., 1997. P. 406.
3. Koh T. The 10 Values Which Undergird East Asian Strength and Success // The International Herald Tribune. 11–12 December.
4. Chan Heng Chee. Democracy: Evolution and Implementation: An Asian Perspective // Bartley R., Chee Ch.H., Huntington S.P. and Ogata Sh. (ed.) Democracy and Capitalism: Asian and American Perspectives. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, pp. 21-24.
5. Fukuyama Fr. The Primacy of Culture // Journal of Democracy. Vol. 6, N. 1, pp. 7-14.